

ГАЛИНА СТАРОВОЙТОВА

Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом»

Борис Докторов
 доктор философских наук, профессор,
 независимый исследователь
 bdoktorov@inbox.ru

Подготовленное Дмитрием Шалиным для печати полуторядесятилетней давности интервью с Галиной Старовойтовой – это документ, интересный во многих отношениях. Прежде всего, он содержит очень важные детали из жизни Старовойтовой, позволяющие понять ее становление как гражданина и политика. Кроме того, в нем представлены мало отраженные в специальной литературе факты из жизни той группы молодежи Ленинграда, которая в конце 1960-х – начале 1970-х годов оказалась вовлеченной в диссидентскую, а позже – в правозащитную деятельность. Будучи к моменту интервьюирования широко известным в стране и на Западе политиком и аналитиком социальных процессов, Старовойтова очень искренне рассказала о своих размышлениях по поводу вступления в КПСС и давления, оказывавшегося на нее КГБ. Обе эти темы были стержневыми и для Старовойтовой – политика [1]. Конечно, Галина рассказывает о своей жизни, но через подобное прошли многие из ее (и моего) поколения социологов; в частности она упоминает об аналогичных сомнениях ее первого мужа Михаила Борщевского, человека в 1970–1980-е годы заметного в социологическом сообществе.

Интервью состоялось в 1993 году, но на него нельзя смотреть как на полустертую от времени фотографию. Обсуждавшееся Старовойтовой и Шалиным имеет непосредственное отношение к сегодняшней истории России и заставляет по-новому увидеть то, что хранится глубоко в памяти ряда действующих поколений российских социологов. К тому же это обращение Галины к будущим – сейчас уже нынешним – российским социологам: она показала им, в каких условиях несвободы работали их предшественники, каковы были рамки, ограничивавшие их профессиональную деятельность.

Наконец, отмечу вклад в это интервью Дмитрия Шалина. Нужно отчетливо понимать, что его беседа со Старовойтовой – это очень сложная форма общения бывших земляков, людей одного поколения и близких мировоззренческих позиций, но в тот момент мало знакомых. Интервьюируя на протяжении ряда лет российских социологов и зная методологию проведения биографического интервью, я прекрасно представляю, какого рода трудности пришлось преодолеть Шалину. В итоге в беседе присутствует, ощущается личностное начало «интервьюера» и «респондента», а результат встречи имеет высокое познавательное значение.

Настоящий текст – это не статья о жизни и деятельности Галины Старовойтовой, это комментарии к опубликованному интервью; они содержат и элементы того историко-научного подхода, в рамках которого может быть продуктивным рассмотрение фактов ее биографии. Одновременно это и начало освоения сложной, но чрезвычайно важной темы – исследования биографий тех, кто принадлежит к третьему поколению советских/российских социологов (см. ниже). Многие из обсуждаемого здесь – уточнение положений, сформулированных мною в начале этого года [2].

В настоящее время на сайте «Международная биографическая инициатива» [3] собрано свыше сотни биографических интервью с советскими/российскими социологами. Значительная часть из них была впервые опубликована Г.С. Батыгиным в вышедшей под его редакцией книге по истории российской социологии [4]. Многие ин-

тервью впервые увидели свет на страницах «Социологического журнала» и «Журнала социологии и социальной антропологии». Ряд интервью проведены Д. Шалиным, они пока существуют только в электронном варианте; наконец, около двух десятков, взятых мной, «перекочевали» на сайт из «Телескопа». Еще недавно, обсуждая задачи, возникающие при изучении этого богатейшего архива, я выделял два направления: первое – история в биографиях и второе – биографии в истории. Первое – ориентирует на изучение того, каким периодом российской социологии представляется в воспоминаниях первых поколений социологов, т.е. движение идет «к истории от биографий». Второе направление – встречное, «от истории к биографиям»: речь идет об исследовании того, как история страны отражена, представлена в биографиях социологов, какие социально-политические и иные реалии определяли их жизнь, что формировало их гражданские установки и профессиональные воззрения.

Не ревизуя содержание и организующую роль этих двух направлений анализа биографического материала, мне кажется возможным объединить их в программу изучения постхрущевского периода российской социологии как написания истории с «человеческим лицом». Уже сейчас видится множество аргументов в пользу подобной исследовательской ориентации, и первейший из них это тот, что при таком акцентировании поисковых целей главным оказывается человек, его личность, его творчество. Это – мягкая альтернатива институциональному видению истории, в которой социология, прежде всего, институт.

«История с человеческим лицом» не противопоставляется институциональному подходу, но компенсирует его недостаточность, ограничиваясь в исковой интерпретации истории, ибо жизненные пути советских/российских социологов жестко заданы государством. Прежде всего в лице партии, КГБ, идеологических институтов оно проступает в биографиях людей как сила, действующая на человека. Институциональные проблемы не вычеркиваются из анализа, да это и невозможно. В недавней истории страны, в жизни и деятельности социологов государство было повсеместно: от школы и вуза до трудоустройства, выбора темы исследования, возможности опубликования результатов, контактов с зарубежными коллегами.

Замечу, что поиски «человеческого лица» в различных современных политических и социальных процессах и тенденциях – это одно из веяний, велений времени. Социализм с человеческим лицом, капитализм с человеческим лицом, опрос общественного мнения с человеческим лицом (обогащенное общественное мнение) [5], революции гвоздик, роз, бархатные, оранжевые... – это из того же ряда. XX век устал от государства, от железа, скрежета, войн, насилия. К сожалению, и XXI начинается не лучшим образом.

В институциональной трактовке истории социологии одной из центральных является проблема взаимосвязи социальных институтов, в истории с человеческим лицом – многое располагается вокруг проблемы поколений.

Хотя поколенческий подход к анализу прошлого российской социологии в целом не отрицается, реально для этого сделано мало, в частности, не решен воп-

рос о критериях выделения поколений, значит – об их границах. Так, по мнению А.Г. Здравомыслова [6], несомненно принадлежащего к «первым», следующим за ними является поколение, которое примерно на 20 лет моложе социологов-шестидесятников. Это утверждение трудно принять. Во-первых, оно имеет слишком обобщенный характер и, как показывает опыт изучения биографий, не отражает реальной ситуации. Во-вторых, если с ним согласиться, то автоматически придется констатировать, что в течение долгого времени первое поколение работало без притока новых людей. Но это было не так.

Изучение интервью с социологами разного возраста позволяет обозначить границы и некоторые особенности становления поколений социологов, следовавших за первым. Предлагаемая схема конституирования поколений опирается на два критерия: возраст, или год рождения, и особенности вхождения в социологию. Даже в случае «нормального» развития науки, при котором нет разрывов в процессе подготовки специалистов, недостаточно одного, первого критерия, тем более второй критерий необходим для рассмотрения ситуации в советской/российской социологии, развитие которой отстоит далеко от нормального движения науки.

Принадлежность к поколению – не титул и не звание. Система поколений – это лишь особый историко-научноведческий концепт, инструмент, позволяющий полнее описать становление отечественной социологии, ее коммуникационные сети, ролевые позиции ученых, соотнести «институциональное» и «человеческое».

Первым поколением советских/российских социологов, если говорить о постхрущевском периоде, является небольшая по численности группа молодых в то время людей, преимущественно имевших базовое философское, экономическое или историческое образование и некоторый опыт работы по полученным специальностям. Большинство из них родилось в узком промежутке от 1926-го до 1931 года, модальный интервал – 1928–1929 годы. Свою социологическую деятельность они начинали на рубеже 1950–1960-х годов, практически «с нуля» самостоятельно осваивая современные для того времени теории и эмпирические методы. Многие из них запомнили события конца 1930-х, но все же их социально-политические взгляды формировались, прежде всего, событиями Великой Отечественной войны (ряд первых социологов принимал участие в боевых действиях) и атмосферой хрущевской «оттепели».

Говоря о поколениях отечественных социологов, хотелось бы назвать имена ученых, работавших в разных городах страны, но в силу многих причин сделать это крайне сложно. Потому при иллюстрировании наполненности выделенных поколений я ограничусь лишь представителями «ленинградской социологической школы». Во-первых, я сам отношусь к ней и знаком со многими питерскими социологами. Во-вторых, в этой сложной работе можно воспользоваться содержанием двух книг, дающих краткую информацию о социологах города [7], [8].

Группу первых легко назовет каждый, хоть немного знакомый с прошлым отечественной социологии, но все же я сделаю это в опоре на мнение В.А. Ядова, указавшего тех, чьи работы «определили на многие годы стратегические направления» ее развития [7, с. 5]. Это – активно работающие сейчас А. Здравомыслов, И. Кон, С. Кугель, О. Шкаратан, В. Ядов и покойный А. Харчев.

На мой взгляд, не существует вопроса об отнесении к «ленинградской социологической школы» В.Я.Ельмеева и обществоведов, разделявших его подход к социологии, ибо развивавшаяся им трактовка социологии основной частью социологического сообщества признается маргинальной.

Второе поколение – по возрасту и социально-политическим воззрениям очень близко к первому, но принципиально отлично от него тем, как оно входило в социологию. Без использования второго из указанных критериев эту когорту специалистов было бы крайне сложно обнаружить. Эти люди родились в конце 1920-х – первой половине 1930-х годов, формировались в той же социально-политической и нравственной атмосфере, что и модальная по возрасту группа социологов-шестидесятников первой волны. Однако в силу личных жизненных обстоятельств они пришли в социологию позже них, став – и это главное – их первыми учениками, последователями, единомышленниками. Это поколение – «шестидесятники второй волны». Вполне оправданно, что в Ленинграде эта группа сложилась достаточно большой в численном отношении и сильной – в профессиональном. Логика статьи не требует называть здесь всех, кто представляет рассматриваемые ниже поколения социологов «ленинградской школы», потому укажу имена лишь тех, с чьими биографиями можно ознакомиться на нашем сайте [3]. Ко второму поколению относятся: А. Алексеев, Я. Гилинский, С. Голод, Б. Максимов, Б. Фирсов, покойные В. Лисовский и Э. Соколов.

Годы рождения тех, кто образует третье поколение, – вторая половина 1930-х – первая половина 1940-х; середина этого временного интервала приходится на 1941–1942 годы, то есть это поколение примерно на 12 лет моложе первого. Представители третьего поколения – в целом, люди без собственного опыта восприятия событий войны, взрослея, они узнавали о ней от взрослых. В их поколенческом опыте нет радости Победы, но они помнят тяготы первых послевоенных лет. Атмосфера «оттепели» осознавалась ими (могу сказать, нами) через песни Окуджавы, стихи поэтов-фронтовиков и поэтов евшуенковского поколения, публикации «Нового мира». По типу мироощущения эту группу можно характеризовать как «младшие шестидесятники». Третья когорта социологов – это «военное» поколение, еще несколько лет его можно называть – «шестидесятилетние», хотя старшая часть этой группы уже перешагнула 70-летний рубеж.

Чтобы проиллюстрировать «содержание» этой поколенческой ниши, к которой принадлежу и я сам, назову ряд имен: О. Божков, Л. Кесельман, Р. Могилевский, Е. Смирнова, недавно ушедшие от нас И. Голосенко, В. Голофаст, Э. Фомин; с биографиями указанных социологов можно познакомиться на сайте [3].

С расстояния в несколько десятилетий от момента становления этого (да и любого) поколения социологов может показаться, что это одна большая, однородная по многим социокультурным и социополитическим ориентирам группа. Конечно, это не так, тем более что в молодые годы разница между людьми в пять-семь лет может казаться и действительно часто является значительной, и разные люди с различной скоростью осваивали науку, находили свою тему, защищали диссертации. Вот интересное замечание Е.Э. Смирновой, принадлежащей к этому поколению и многие годы проработавшей в «команде» В.А. Ядова: «Галю помню юной по семинарам еще в Финансово-экономическом институте, которые вел Г.Н. Черкасов. <...> Как ни странно, я много ближе по духу, интересам и взглядам к ядовскому-шкаратановскому поколению, чем к тем, кому принадлежит Старовойтова. Что-то в ее поколении было уже иным. То ли они уже были более современными, то ли более свободными в плане выбора судьбы... <...> ...поколение Гали шло уже разными путями. <...> Их манили иные ветры» [9].

Д. Шалин, если принимать во внимание лишь год его рождения, может быть «причислен» к самым «младшим» в третьем поколении или к «старейшим» – в следующем. Но, если учесть то обстоятельство, что он рано (в 26 лет)

защитил кандидатскую диссертацию и через пару лет (в 1975 году) эмигрировал в США, то его жизненную траекторию правильнее рассматривать в одном ряду с теми, кто составляет третью когорту, а не четвертую.

Четвертое поколение я условно называю поколением биологических детей «отцов-основателей», это люди, которые «в среднем» на 12 лет отодвинуты от третьего поколения. Сегодня в Петербурге значительное число социологов этой когорты успешно работает в академической науке, в коммерческих организациях, преподает в ведущих университетах города.

Заявило о себе и пятое поколение, чьи годы рождения группируются вокруг временной отметки – 1965, ведь многие из них уже отпраздновали свое сорокалетие. Думаю, что это люди принципиально иных воззрений на мир, на прошлое СССР/России, на историю советской/российской социологии, чем все предыдущие. Их двадцатилетие пришлось на начало перестройки.

Совсем сложно говорить о шестом и только зарождающемся седьмом поколениях. Годы рождения первого приходятся на конец 1960-х – первую половину 1970-х (т.е. им уже за тридцать), вторые – родились в конце 1980-х, они даже о перестройке судят лишь из рассказов очевидцев и литературы. Первым двум поколениям социологов их отцы и матери могли (хотя это и не приветствовалось) рассказать о дореволюционной России, третьему – об этом могли поведать дедушки и бабушки. Для тех, кто со временем образует седьмое поколение, период Великой Отечественной войны уже лежит вне области личных ощущений их родителей, а часто – их дедушек и бабушек.

Галина Васильевна Старовойтова (1946–1998) и по возрасту, и по характеру пути, которым она пришла в социологию, относится к младшей части третьего поколения. И потому логично, что в ее становлении как личности и ученого присутствует множество черт, обнаруживаемых в биографиях определенной части ленинградцев – представителей как ее поколения, так и следующего, четвертого. В данном случае слово «ленинградцы» скорее указывает не на географию событий, но на культурный контекст, в котором они развивались.

Из интервью Галины следует, что ее отец принадлежал к весьма узкой группе технической элиты, работавшей над созданием оборонной техники и входившей в номенклатуру ЦК КПСС. Он неоднократно встречался с руководителями партии и государства, и его заслуги были оценены Ленинской премией и высшими орденами страны. Членом партии был и дед Галины, один из первых председателей колхозов в Белоруссии, позже возглавивший сельсовет. Воспоминания Ольги Старовойтовой [10], которая лишь на пару лет моложе Галины, показывают, что старшая сестра уже в школьные годы демонстрировала лидерские способности. Можно говорить о том, что она явно унаследовала высокий энергетический и интеллектуальный потенциал предков по отцовской линии. Возможно, и отец Галины придерживался представлений о социуме, близких к тем, что сложились у нее в ранней молодости, но сказал ей об этом лишь в годы перестройки. Скорее всего мысль «мы живем в самом аморальном государстве в истории человечества», складывалась в его сознании годами, но в силу понимания своего долга перед делом, которому он служил, людьми, с которыми он работал, и с учетом внешних обстоятельств он не мог позволить себе высказать ее.

Галина сказала об отце: «Сейчас он вполне диссидент и полностью разделяет мои взгляды. Причем у него не было того диссидентского влияния и окружения, которое было у меня, и не было доступа к той литературе, которую я читала». Но, можно допустить, ему и не надо было иметь того окружения и читать ту литературу, он видел все непосредственно. Так, может быть, не потому

Галина рано вошла в мир «инакомыслия», что встретила на своем пути людей, видевших общество иначе, чем его представляла пропаганда, но потому, что определенные сомнения в справедливости официальной картины возникли у нее еще раньше под влиянием отца? В конце концов, мы находим то, что ищем...

1968 год оказался принципиальным в становлении отношения Галины к обществу, в котором она жила: она прочла книгу Евгении Гинзбург «Крутой маршрут», познакомилась с человеком, почти вдвое старше нее и прошедшим через ГУЛАГ, советские войска вошли в Чехословакию. Но установка на критическое восприятие советской системы, по видимому, закладывалась в ней раньше, в школьные годы.

Ольга Старовойтова пишет: «Была такая «демплатформа» в ВЛКСМ. Наша, Кировская, коммуна существовала, как я помню, в 1962-64 годах. Было два выездных лагеря, два лета – отправлялись старшеклассники в Ленинградскую область, под Лугу. Старались сами все делать. <...> Почти сразу после начала работы лагеря Галию избрали председателем Совета коммуны. Народ избрал. Она уже тогда была избранницей народа. <...> И всегда были песни у костра. Несколько ребят играли на гитаре, мы все пели. Больше всего – Окуджаву. А еще песни Ады Якушевой, Городницкого, Визбора, Кукина... Песни все были неофициозные, камерные, человеческие, бардовские – настоящие. <...> Воспоминается еще наш лагерный диспут о лозунге коммунаров: «По зову партии – по велению сердца». Некоторые ребята осмеливались с ним не соглашаться, и это вызывало у меня восторг. По тем временам от подобного обсуждения захватывало дух» [10].

Для понимания некоторых особенностей третьего поколения социологов чрезвычайно интересным представляется тот факт, что, по воспоминаниям Людмилы Иодковской (социолога, многие годы дружившей с Галиной и бывшей ее помощником на посту депутата СССР-РСФСР и Госдумы России), в социологию Галину «привел» Михаил Борщевский. Он был почти на десять лет старше ее, но принадлежит к той же профессионально-возрастной когорте [11]. Знакомство Галины с Борщевским произошло в коммуне: «Не помню точно, – пишет Ольга Старовойтова, – названия должности, но кем-то вроде идеолога (в лучшем смысле этого слова), таким вот “замполитом” нашего лагеря был Миша Борщевский, а председателем Совета друзей (высший наш руководящий орган) – Галина Старовойтова» [10].

Михаил расширил и сферу общения Галины, ввел ее в круг диссидентов, представителей андерграундной культуры. Приведу еще один фрагмент записок Ольги Старовойтовой [10]:

«Мы из того поколения, кто зацепил остаток шестидесятников, т.е. Галино становление происходило в эти годы (она окончила школу в 1964-м), и в это время в Петербурге жили одновременно такие люди, как Довлатов, Бродский, композитор Александр Журбин, замечательные художники, и этот питательный бульон она впитывала – с кем-то была знакома, с кем-то близко дружила. Уверена, что немалую роль сыграл ее первый муж, Михаил Борщевский <...> он больше общался с такой почти богемой, художественной элитой города, музыкантами. Галя совершенно органично вписалась в этот круг – я бы назвала этих людей элитой города и страны того времени. <...> Они бывали у нас дома, но я не вписалась. А она вписалась».

История, трактующая социологию как социальный институт, не «задерживалась» бы на анализе социально-культурного контекста становления различных поколений советских/российских социологов, и это оставляло бы вне интерпретации особенности становления творчества и гражданских воззрений ученых. Ленинград всег-

да был городом, в котором одновременно с официальной культурой существовало множество андерграундных субкультур, либо пресекавшихся властью, либо частично разрешенных, но контролируемых идеологическими структурами и органами правопорядка. Одним из таких очагов андерграундной культуры было кафе, расположенное в самом центре города, на углу Невского и Владимирского проспектов. Формально это было кафе от ресторана «Москва», но все, знавшие это место, называли его «Сайгоном». В настоящее время признается, что «Сайгон» – и еще несколько небольших кафе – были местом, где развивалось творчество очень сильной группы поэтов, писателей и музыкантов, определивших ряд направлений в современной русской художественной культуре. К «сайгонавтам» относятся: И. Бродский, С. Довлатов, В. Кривулин, М. Шемякин, группа «митьков», Б. Гребенщиков, С. Курехин, В. Цой. Приведу несколько реминисценций о сайгонной атмосфере людей, которые знали ее досконально.

В одной из эмигрантских рецензий Сергей Довлатов вспоминал: «Ну что «Сайгон»... Грязноватое кафе в центре Питера, на углу Невского и Владимирского проспектов, со странной богемно-уголовной публикой, где встречались, пили кофе и портвейн, обменивались новостями, читали стихи. Юный лопух, случайный посетитель (сам был из таких) мог заметить только это. Но для своих, для посвященных (тут должны были совпасть не только место, но время и поколение), «Сайгон» был непрерывно творимой легендой, продолжением петербургского мифа (у «них» – салон Волконской или башня Вяч. Иванова, у нас – «Сайгон»), символом второй настоящей культуры, оказавшимся, как по заказу, напротив – на расстоянии Литейного – официальных цитаделей: кагэбэшного Большого дома и ленинградского Дома писателей. <...> Естественно, читались стихи, естественно, передавались рукописи, так что это время можно с полным правом окрестить как «сайгонский период русской литературы» [12]. Виктор Кривулин: «В «Сайгон» приходили люди и стояли, попивая кофе, минут сорок, час... <...> Поначалу были столики, за которыми сидели, но потом их заменили, и сиденьями служили разве что подоконники. Приносили с собой портвейн, распивали вместе с кофе... На это, как и на курение, смотрели сквозь пальцы. <...> Гэбэшники имели интерес к этому заведению и поэтому не прикрывали его – так было удобней. Стояли, как все, пили кофе... Захожу, скажем, встаю рядом с человеком – и вспоминаю его лицо – он у меня на обыске был...» [13].

«Сайгон» открылся осенью 1964 года, и на протяжении последующих почти двух десятилетий он был для молодежи центром инакомыслия. 1968 год был доминирующим в развитии гражданских, политических установок Галины Старовойтовой, и все наблюдавшееся, обсуждавшееся тогда сайгонавтами стало основой их видения советского общества. Получается, что во второй половине 1960-х Галина должна была оказаться в «Сайгоне», в близком ей по духу критическом пространстве. Воспоминания ее сестры [10], статья журналистки Ирины Бобровой, опубликованная вскоре после гибели Галины [14], указывают на то, что так оно и было.

Атмосфера «Сайгона» была близка и ряду социологов четвертого поколения, которые в 1970-х встречали там иных людей, но такое же резкое отторжение императивов и норм советского общества. По мнению Бориса Гребенщикова (писавшего о себе: «Детство прошло в Сайгоне, / Я жил, никого не любя...»), «наиболее значимой для заведения была компания поэтов, познакомившихся в литературном клубе “Дерзание” при Дворце пионеров» [15]. Среди активистов этой группы он называет Елену Здравомыслову, плодотворно и многогранно работающую сейчас в социологии. Ей принадлежит одно

из наиболее интересных исследований природы «Сайгона» и его роли в ленинградской культуре: она называет его местом встречи, или социальным пространством общения ленинградских маргиналов, системным протестом против важнейших элементов существовавшей политической организации общества. «Люди “Сайгона”, – пишет она, – создавали для себя гражданское общество. Они делали вид, что социалистический мир вокруг них не существует» [16].

К этому же поколению социологов относится учредитель и редактор «Телескопа» Михаил Илле, не являвшийся завсегда там «Сайгона», но бывавший там регулярно в студенческие годы и позже. Он увлекался рок-музыкой и рок-культурой [17].

Можно предположить, что при всей ее сложности система взаимоотношений социологии как института с другими социальными институтами беднее, чем множество отношений, существующих внутри даже такого относительно небольшого сообщества, как «ленинградская социологическая школа». Истории с человеческим лицом еще предстоит в этом разбираться, но уже сейчас очевидно, что она будет всегда мозаичной, и не до конца понятны «силы», могущие скреплять такую мозаику. Конечно, прежде всего, это лидеры, и в первую очередь – В.А. Ядов. Безусловно, это отношение к науке, которое вырабатывалось первым поколением ленинградских социологов и в котором, думается, присутствует нечто от преклонения перед наукой, существовавшего в дореволюционном Петербургском университете. В-третьих, высокий демократизм во взаимоотношениях между профессорами, «эстрами» и студентами, начинающими учеными. Наконец, назову то, что существует, но трудно формализуется, – «дух города». Ленинградская социология родилась и делала первые шаги на берегах Невы, на Стрелке Васильевского острова, в уникальном по красоте и исторической ценности пространстве, ограниченном Новобиржевым гостиним двором и Меншиковым дворцом. В первом здании располагался факультет философии ЛГУ, второе – было первым пристанищем университетской социологической лаборатории.

Традиционно, когда говорят о высших образцах русской культуры, созданных в Петербурге, всегда отмечают влияние на литераторов, художников, музыкантов духа города, его архитектуры, специфики его освещенности, таинство «белых ночей», давления моря, его скандинавско-европейской ориентированности. Конечно, механизмы творчества ученых и деятелей художественной культуры во многом различны, но разве из этого следует, что при изучении становления и развития ленинградской / современной петербургской социологической школы можно полностью отвлечься от анализа перечисленных качеств городской среды?

Цели статьи и сказанное выше о формировании «социального зрения» Галины Старовойтовой позволяют – пусть очень кратко – рассказать о Валерии Борисовиче Голофасте (1941–2004), оставившем яркий след в отечественной социологии. Траектория движения обоих в социологию проходит через «Сайгон».

После смерти Голофаста О.Б. Божков переслал мне большое число писем, которыми мы с Валерием обменялись за несколько лет. В моем электронном архиве многого не сохранилось.

11 июля 2003 г. Валерий писал: «На филфаке я учился в 1960–65. Когда я приехал в Л-д, у меня еще был поэтический период. В 60–61 годах я знал всех, кто был активен в студиях, на вечерах в кафе, сам выступал в них и в кинотеатрах. Но потом резко ушел из этой среды. Может быть, ты слышал про Костю Кузьминского (он теперь в США), мы были приятелями, и я частенько ночевал у него дома на бульваре Профсоюз».

Константин Кузьминский – человек-легенда, один из героев ленинградского литературного андерграунда конца 1950-х – начала 1960-х, обладает феноменальной памятью на стихи. Значительная часть серьезных статьи В. Долинина и Д. Северюхина об истории неофициального искусства в СССР посвящена оценке его многообразной деятельности. Отмечается, что в 1960-х его комната во флигеле во дворе между Красной улицей и бульваром Профсоюзная стала местом литературных чтений, вечеров, выставок живописи и фоторабот, печати самиздата. Дом Кузьминского, наряду с мастерской Михаила Шемякина на Загородном проспекте, стал образцом нового богемно-артистического стиля, не без влияния которого в дальнейшем складывался быт многих квартир литераторов и художников. Кузьминского считают одним из первых, кто осознал значение неофициальной культуры и понял необходимость ее внимательного изучения и сохранения [18].

Я ответил Валерию, что не был знаком с Кузьминским, но одно время мы принадлежали к пересекающимся дружеским компаниям. Уже после смерти Валерия я нашел электронный адрес Кузьминского и написал ему. Он ответил, что считает стихи Голофаства гениальными, и указал сайт, на котором расположены его воспоминания о Валерии и несколько его стихотворений. Приведу с некоторыми сокращениями текст Кузьминского из его антологии новейшей русской поэзии [19]:

...Валерий Голофаств был, как и я, 40-го года рождения. Стихи, с которыми он пришел, были – уже – написаны мастером. Блестящий классический стиль, философичность – вот философичность-то, по-моему, Голофаства и подкосила. Его стихи стали переходить в прозу, в философское размышление. <...> Хорошо, что Голофаства не напечатали. Тогда ему было бы еще хуже. Человек он был серьезный, положительный, и в своем процессе становления советским писателем – дошел бы до полного самоотрицания. А так – хоть подышал. Но судьбу Голофаства я тоже на Советы записываю. Счетчик им предстоит – за многих... <...> Голофаства я встретил перед отъездом в «Сайгоне», поблекшего, усталого и голодного. <...> И сейчас мне грустно: какого поэта я потерял, или он – потерял сам себя? Кто теперь скажет? И не только поэта, но и все его рукописи. <...> Казался он мне почему-то гораздо старше, может, потому что сам я был щенком? Но ощущение большего знания – у меня осталось надолго. Был он умнее всех нас. Что стало с человеком? Куда и почему он пошел? И сколько таких, много же?

Я познакомился с Голофаством году в 1973-м или 1974-м, и с 1975 года до моего отъезда в Америку в 1994 году мы работали в соседних секторах академической организации, многократно менявшей свое название и сейчас именуемой Социологическим институтом РАН. Но лишь из приведенного выше его письма я узнал, что в юности Валерий писал стихи, и только тогда начал понимать истоки того, что про себя многие годы называл стилем Голофаства. Речь идет не только о языке, хотя стиль во многом и задается им, но о логике видения мира. В доперестроечные годы о риторике, форме социологических текстов не принято было говорить, но, перечитывая многие из них сегодня, замечаешь их косноязычную трафаретность. Думаю, что при выработке российскими социологами новой риторики будет изучены и использованы тексты Голофаства, его стремление к сжатости, отточенности. За месяц до смерти (1 ноября 2004 года) он писал мне в письме: «...а меня вот тянет на афоризмы почти. Я тут начал один маленький-маленький текстик...»

Одной из ключевых в воспоминаниях Кузьминского я считаю фразу «А так – хоть подышал». К сожалению, я не знал ее два года назад, когда писал о близорукой кри-

тике Б.Д. Парыгиным одной так и не увидевшей свет статьи Голофаства [20]. По сути, то было противостояние двух людей, дышавших разным воздухом.

Окончив школу в 1964 году, Галина Старовойтова поступила в Ленинградский Военно-механический институт, готовивший инженеров по конструированию и производству различных видов вооружения. В этом проявилась готовность Галины продолжить дело отца. Однако через два года она – «надышавшись воздухом» «Сайгона» – подала документы на факультет психологии Ленинградского университета; в 1966 году был первый набор студентов, Галина сдала все вступительные экзамены на «отлично» и была принята. Закончив досрочно и с «красным» дипломом университет, она несколько лет работала социологом на ряде промышленных предприятий и в 1973 году – поступила в аспирантуру Института этнографии АН СССР в Ленинграде.

Институт этнографии расположен в здании Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН на Стрелке Васильевского острова, это здание – место рождения Российской академии наук, Санкт-Петербургского государственного университета, Библиотеки академии наук, Главной астрономической обсерватории. Здесь самая сильная в мире плотность поля, образованного силовыми линиями традиций русской науки, физически ощущаешь свою связь с прошлым.

Биография человека – нечто единое, целостное, и абсурдно, изучая ее, отделять одни направления его деятельности от других; в данном случае – ученого и преподавателя – от политика и правозащитника. Но я не ставлю перед собою задачу написания биографии Старовойтовой, мне интересен процесс ее становления как ученого и гражданина, потому здесь не будет анализа ни ее научной работы, ни ее политических взглядов. Меня интересует выбор ею своего пути в науку и начало движения по нему. В этом плане представляет интерес интервью, взятое Ольгой Старовойтовой в 2000–2001 годах у научного руководителя Галины, видного российского фольклориста и этнографа, член-корреспондента РАН Кирилла Васильевича Чистова (1919–2007). Фрагменты этого интервью опубликованы [21], а полный текст хранится в Санкт-Петербургском общественном фонде «Музей Г.В. Старовойтовой».

По словам Чистова, в 1960-х «началось социологическое движение, иначе его не называли», возник «прорыв, желание писать о нашей жизни, о наших проблемах, не пользуясь постановлениями ЦК, решениями, газетными статьями и информацией всякой и так далее, а получив материал человеческий какой-то прямо из уст самих людей». Одновременно с социологией возникла этнография города, и в первое время это «звучало дико, потому что этнография, это значит: занимается селом, занимается пережитками там, занимается живой стариной». Если этнография современности в селах как-то работала, то этнографии города не было, потому что город, даже небольшой, – это коллектив значительно больше, чем село. Во второй половине 1960-х у Чистова возникло стремление создать небольшую социологическую группу, и он решил это делать через подготовку аспирантов. По его воспоминаниям, Галину Старовойтову рекомендовали ему то ли В.А. Ядов, то ли Б.М. Фирсов, и она уже на первой встрече «глянула» ему: «...человек – живой. Я пробовал, когда она пришла ко мне домой в первый раз, мы не просто говорили, я у нее спрашивал, вроде экзамена, так сказать. Мы разговаривали на разные человеческие темы, об институте, она рассказывала о разных людях, рассказывала о своих исследовательских впечатлениях. ... хоть мы и не были знакомы, но она обо мне знала... об исследованиях, которые я проводил».

Галина прекрасно сдала вступительные экзамены и начала заниматься абсолютно новой по тем временам темой – изучением этнических дисперсных групп в крупном городе. Отчасти эта тематика была знакома Старовойтовой, так как она еще в студенческие годы с сотрудниками О.И. Шкаратана участвовала в исследовании русского и татарского населения в Казани и других городах Татарии. Поскольку необходимо было проанализировать различные этнические группы, постольку были выбраны русские, а также национальности, которые были заметно представлены в населении дореволюционного Петербурга: татары, армяне и эстонцы. Так начинался путь Старовойтовой в этносоциологию, который в конце 1980-х вывел ее в большую политику.

Чистов не считал, что Старовойтова сыграла крупную роль в науке, так утверждать «было бы преувеличением». Но в то время, когда специалисты говорили, что этнография – это нечто «из периода дилижансов», ею было многое сделано для становления этносоциологии города. Конечно же, он следил за деятельностью Старовойтовой и после ее переезда в Москву и, когда узнал, что Армения выбрала ее в Верховный Совет, позвонил ей и сказал: «Галина Васильевна, вы спасаете честь русской интеллигенции...»

Мне кажется, что, сама эта реакция К.В. Чистова была глубоко интеллигентской, петербургской.

Удивительно, Дмитрий Шалин интервьюировал Галину Старовойтову в Гонолулу, но я вижу в тексте беседу двух ленинградцев, ровесников, выпускников одного университета, мало знакомых, но прекрасно понимавших произнесенное и невысказанное. Я более десяти лет живу в США, но, когда я рассказываю о прошлом, я вижу себя в Ленинграде, вижу обстановку, в которой происходит событие, вижу его участников. Так же было и в процессе интервью: красоты Гонолулу в тот момент были лишь мало заметным фоном, но Галина четко видела своих родных, политиков, с которыми она встречалась, правозащитников. В небольшом письмеце ко мне Дмитрий отметил, что он никак не соприкасался с сайгонской культурой, но, думается, что Галина привнесла ее в их беседу.

Ведь уже ответ Старовойтовой на первый вопрос Шалина, касавшийся статьи Владимира Солоухина, в которой тот оправдывал свое выступление против Бориса Пастернака, мог определить принципиально иное развитие сценария интервью, наполнить его иным содержанием. Например, разговор мог фокусироваться на роли художника, интеллигенции в обществе, касаться особенностей поведения личности в тоталитарном государстве, выйти на обсуждение этики и готовности человека к жертвам, анализ поведения известных исторических личностей задеть тему конформизма...

Но Галина сразу задала и жанр беседы, и ее тональность: героиней повествования стала она, а само повествование – в высшей степени доверительным. Если же говорить о сквозных темах, то их – как бы две: КПСС и КГБ, но в действительности одна, двухаспектная: «человек во власти – человек под властью». Думаю, что если оставить в стороне собственно эстетические, творческие проблемы, всегда волнующие людей мира искусства, то в рамках сайгонской культуры тема власти и личности была важнейшей. В самом начале беседы Галина говорит о людях «культурного круга в Петербурге», работавших дворниками, лифтерами, операторами газовых котельных, кладбищенскими сторожами. Видимо, в ее памяти сразу всплыли знакомые ей по «Сайгону» представители андеграундной культуры и диссиденты. Одновременно в интервью обозначается проблема эмиграции, активно обсуждавшаяся на всем протяжении 1970-х. И в связи с отъездом евреев, и по причинам вынужденной эмиграции многих сайгонав-

тов, к примеру: М. Шемякин выехал в 1971 г., И. Бродский – в 1972 г., К. Кузьминский – в 1975 г., С. Довлатов – в 1978 г., Дмитрий Бобышев – в 1979 г.

* * *

Интервью Шалина, взятое им у Галины Старовойтовой, многопланово. Оно важно для понимания становления Старовойтовой как ученого и политика и показывает ее отношение ко многим сторонам жизни советского общества и ранней постсоветской России. Обращение к тексту интервью и анализ биографического материала дают возможность выйти за рамки изучения жизненной траектории Галины и наметить некоторые подходы к исследованию генезиса ленинградской социологической школы и, в частности, третьего и четвертого поколений советских/российских социологов. Наконец, анализ текста интервью на основе развиваемых положений истории с «человеческим лицом» дает возможность предположить, что это направление, наряду с другими историко-научно-ведческими подходами, даст новые возможности для познания прошлого отечественной социологии.

Литература:

1. Старовойтова Г. К проекту Закона о временных запретах на профессии для активных проводников тоталитарного режима. Международная конференция «КГБ: вчера, сегодня, завтра». М.: 1993. С. 21-26. <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/starovoitova_lustration.pdf>
2. Докторов Б. Биографии для истории // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 1. С. 10-22. <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/doktorov_biography.html>
3. Международная биографическая инициатива <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>>
4. Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
5. Пост-гэллаповские опросные технологии: к 200-летию опросов общественного мнения в США // Социологический журнал. 2005. № 2. С. 5–36. <<http://www.socjournal.ru/article/603>>
6. Здравомыслов А.Г. Национальные социологические школы в современном мире // Общественные науки и современность. 2007. № 5. С. 114–130. <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/zdravomyslov_nationalsoc.html>
7. Ленинградская социологическая школа (1960-е – 1980-е годы) / Отв. ред. В. Костюшев. М.-СПб.: РОС, 1998.
8. Социологи Санкт-Петербурга: кто есть кто. Отв. ред. В.В. Костюшев. СПб.: РОС, 1999.
9. Электронное письмо Е.Смирновой Б. Доктору от 15 ноября 2007 года.
10. Из воспоминаний Ольги Старовойтовой <<http://www.starovoitova.ru/rus/main.php?i=2&s=6>>
11. Прусс И. Она стала бы крупным ученым, но судьба сложилась иначе // Знание – сила. 1999. № 4. <<http://www.starovoitova.ru/rus/main.php?i=8&s=4>>
12. Пономарев И. Неформалы на Невском // Нева. 2004. № 3. <<http://magazines.russ.ru/neva/2004/3/ponom22.html>>
13. Невский до и после великой кофейной революции. Интервью с Виктором Кривулиным. <<http://www.pchela.ru/podshiv/6/coffee.htm>>
14. Боброва И. Железная Леди в стоптанных туфельках // Московский комсомолец. 2000. 11 ноября <<http://www.mk.ru/blogs/idmk/2000/11/20/mk-daily/27761/>>
15. Гребенников Б. Сайгон. <<http://www.pchela.ru/podshiv/6/saigon.htm>>
16. Здравомыслова Е. Кафе «Сайгон» как общественное место. <http://www.cisr.ru/files/publ/wp3/wp3_Zdravomyslova.pdf>
17. Электронное письмо М. Илле Б. Доктору от 15 ноября 2007 г.
18. Долинин В.Э., Северюхин Д.Я. Преодоление немоты. <<http://www.polit.ru/country/2003/07/25/621950.html>>
19. Голофаст. У голубой лагуны. Антология новейшей русской поэзии / Составители: Кузьминский К.К., Ковалев Г.Л. Т. 5-А. <http://kkk-bluelagoon.nm.ru/tom5a/zub_golofast.htm#1>
20. Докторов Б. Как это было – 2 // Анатомия закрытия Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 6. С. 14-16.
21. Пять лет без нее – и с ней / Отв. ред. О.В. Старовойтова. СПб.: СПб ОФ «Музей Г.В. Старовойтовой». 2003